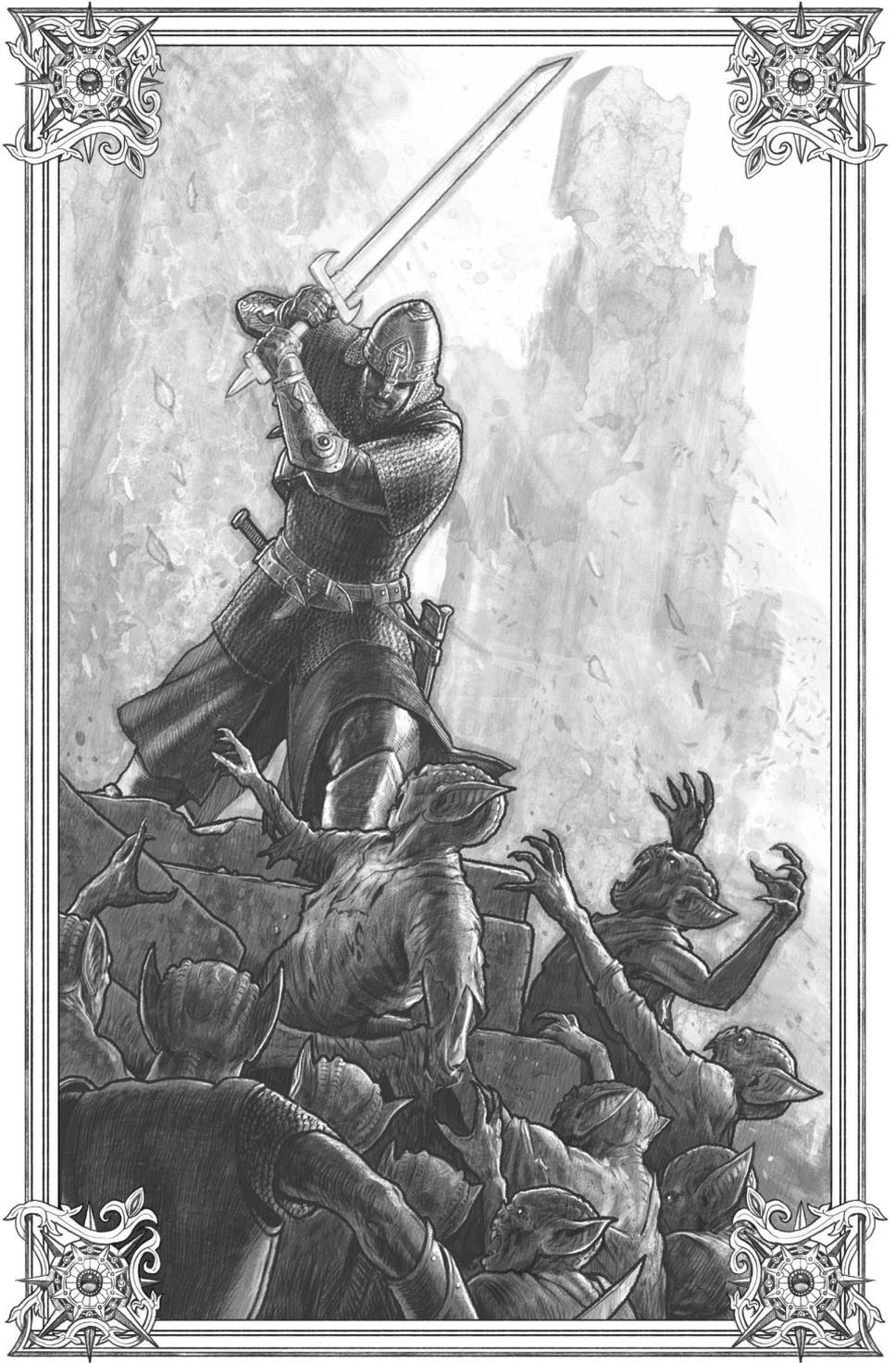


НОВЫЕ  
**Сказки**  
Старой Руси®  
ПРОЕКТ РОМАНА ПАПСУЕВА





# БИТВА ЗА ЛУКОМОРЕ С I

РОМАН ПАПСУЕВ

ВЕРА КАМША

ТАТЬЯНА АНДРУЩЕНКО

АЛЕКСАНДРА ЗЛОТНИЦКАЯ

ЕЛЕНА ТОЛОКОННИКОВА



МОСКВА  
2021

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6я43  
Б66

Рисунки *Романа Папсуева*  
Литературный редактор *Вера Камша*

**Битва** за Лукоморье. Книга I / Роман Папсуев, Вера Камша,  
Б66 и др. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с. — (Новые сказки Старой  
Руси).

ISBN 978-5-04-118413-1

Могуче и необъятно Мировое Древо Карколист. Великое разнообразие миров, больших и малых, темных и светлых, вплетено в его ветви.

И один из них — Белосветье. Срединный и древний мир, полный дивных чудес.

Раскинулась в нем привольно земля богатая — Славия, посреди нее — великая Русь, а вокруг — царства-королевства Золотой Цепи, именуемые в народе тридевятьями.

Да вот беда — сгущаются над мирной и благополучной Славией тучи, собирается в темных лесах кроважидная нечисть, а коварный враг уже замыслил войну...

Уникальный проект «Сказки Старой Руси», созданный в 2015 году художником и писателем Романом Папсуевым, основан на славянском фольклоре, русских народных сказках и былинном эпосе. Знакомые с детства герои перемещены в авторскую фэнтези-вселенную, где их ждет немало подвигов и приключений. Яркий, самобытный мир, родные и при этом новые образы — такого вы еще не видели!

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118413-1

© Папсуев Р.В., 2021  
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021



## СОДЕРЖАНИЕ

Долг 7

Охота на Охотника 21

Милость владыки 74

Премудрые дела 83

Синий камень в рукояти 137

Хлопот полон рот 182

Сила есть, ума не надо? 193

Пять десятков и еще двое 215

Зверь 223

Чужая сторона 282

Дар Иномирья 289

Худовы вести 324

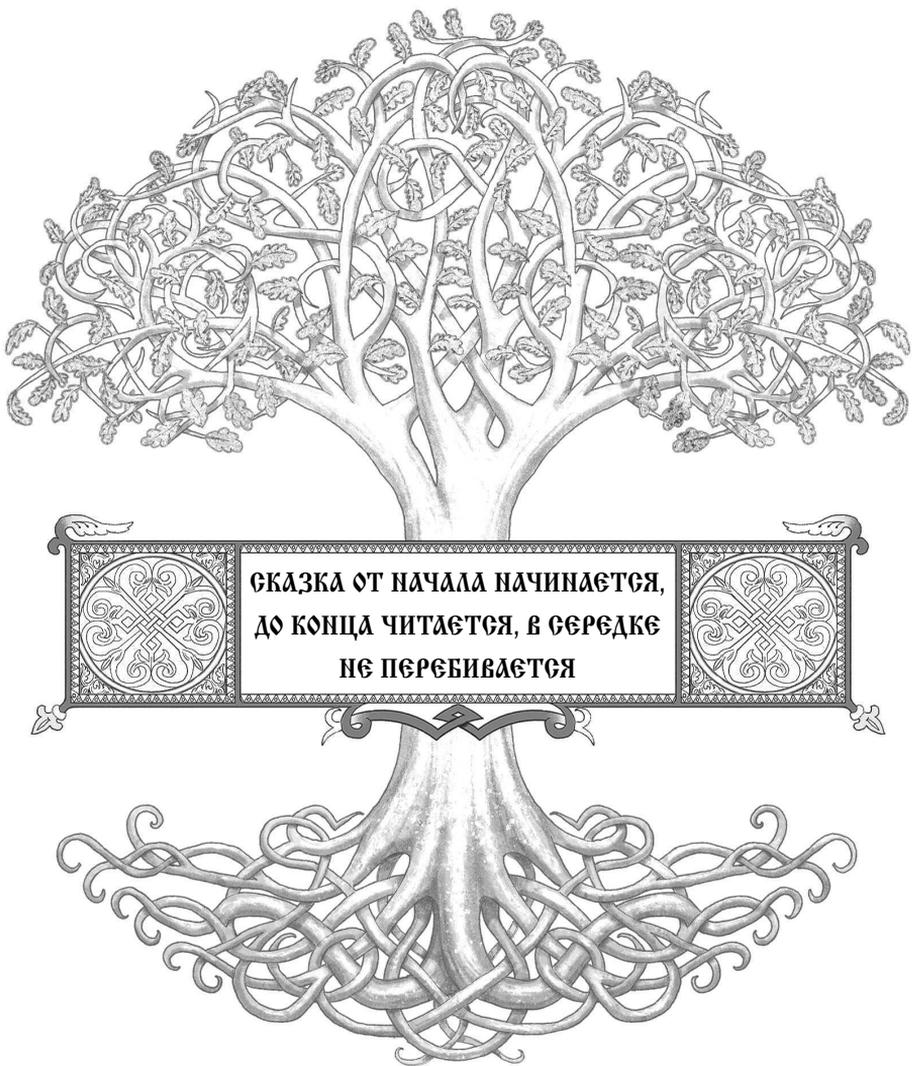
Дивный новый день 331

**Дополнительные материалы 389**

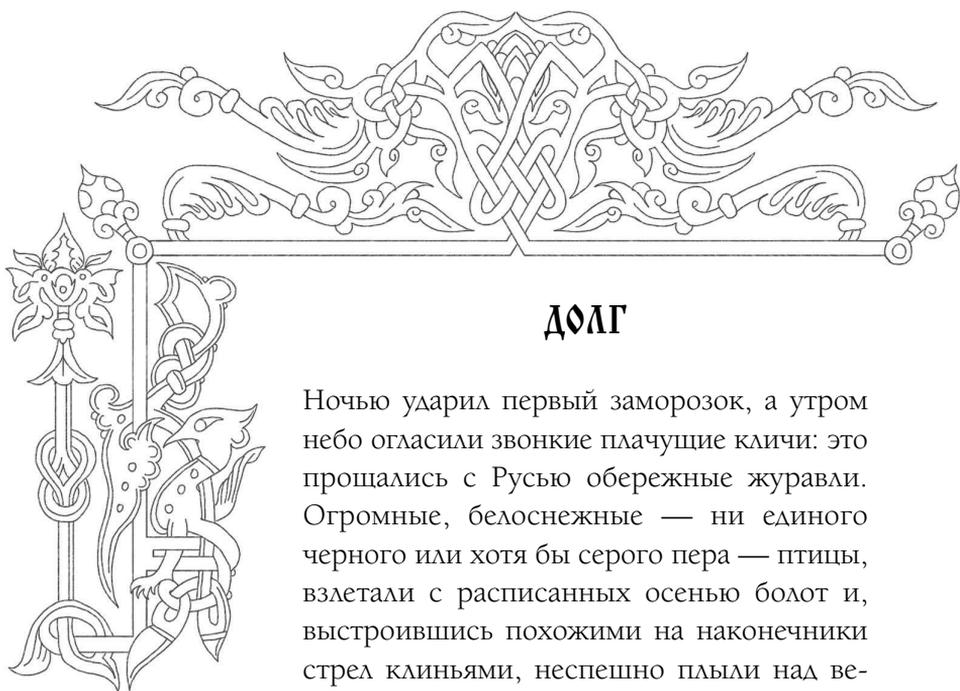
Карты 390

Краткий словарь 394





**СКАЗКА ОТ НАЧАЛА НАЧИНАЕТСЯ,  
ДО КОНЦА ЧИТАЕТСЯ, В СЕРЕДКЕ  
НЕ ПЕРЕБИВАЕТСЯ**



## ДОЛГ

Ночью ударил первый заморозок, а утром небо огласили звонкие плачущие кличи: это прощались с Русью бережные журавли. Огромные, белоснежные — ни единого черного или хотя бы серого пера — птицы, взлетали с расписанных осенью болот и, выстроившись похожими на наконечники стрел клиньями, неспешно плыли над вековыми лесами, полноводными медленными реками и убранными полями. Люди, заслышав журавлиный плач, отрывались от дел и поднимали взгляд к небесам, желая крылатым путникам сытной зимовки в южных землях и счастливого возвращения по весне. Знающие люди говорят, что бережные журавли несут на своих крыльях тепло... и еще они издали чуют черное зло.

Вожак пролетавшего над Гребневым лесом клина, тревожно и коротко крикнув, стал стремительно набирать высоту, одновременно сворачивая с не менявшегося сотни лет пути. Окажись сейчас внизу кто-нибудь знающий и глазастый, он бы тоже поспешил прочь, уходя от неведомого лиха, но следить за встревоженными журавлями было некому. Как и слушать, как кто-то огромный пробивался сквозь чашу — был он невидим, тяжел и быстр, куда быстрее медведей и вепрей, извечных обитателей здешней глухомани. Ох, недаром люди обходили Гребнев лес стороной. Обычные люди... только воинский человек идет, куда пошлют, а знахарь — куда велит долг.

\* \* \*

...Они рухнули одновременно — колдун-злонрав, чьего имени так и не узнали, и знахарь Вежин, но колдун больше не поднялся. Заклятие Вежина, пусть и очень простое, сделало свое дело: отвлекло приспешника Тьмы от ратников, которые не растерялись и не ошиблись. Честной булат пронзил полное вражьей злобы тело, и бой на поляне завершился победой русичей.

Вежин заставил себя разлепить глаза и, опершись о покрытую мягким мхом землю, кое-как уселся. Трое его спутников стояли над убитым и что-то громко и оживленно обсуждали; чуть охрипшие голоса ратников били по раскальвающейся от боли голове, точно кузнечные молоты. Понять, о чем речь, у знахаря не выходило, а лесная поляна с недостроенной избой, нечистым покойником и его победителями медленно кружилась, при этом умудряясь еще и мерцать. Вежин с силой сжал виски руками, и кружение замедлилось, но и не прекратилось... а лежавшая на краю поляны холщовая сумка с зельями казалась недосягаемой, как Ирий.

— Ты чего это, Вежин? — будто камнем из пращи врезалось в горемычную голову. — Никак ранен?!

— Н-нет, — промывчал знахарь в опушенное короткой юной бородкой жизнерадостное лицо. Дрожащее, будто речное отражение в ветреный день. — Н-не ранен...

— Да у тебя лицо всё в крови! — не отставал ратник.

Знахарь вытер лоб и поднес к глазам ладонь. В самом деле, мокрая и красная, будто кожу содрали.

— Это из пор... сочится. Надорвался я малехо, Малобуд.

— Помочь чем? — Подошедший Твердыта, старший над воинами, тоже мог бы говорить потише.

— Сумку мою дайте, — попросил Вежин, — а так... надо мне полежать, подождать... Глядишь, само пройдет.

— Вот и лежи! — отрезал старшой. — Долг свой ты исполнил, можешь и отдохнуть. Если что, пару жердин вырубим, на плащах до твоего Совёлого дотащим. К слову, парни, а ну-ка давайте не сумку к нему, а его — к сумке! Пусть в теньке-прохладе в себя приходит.

Возразить Вежин не успел, да и сил не было. Малобуд со Жданом — ребята шустрые и своего старшего слушали беспрекословно. Ойкнувшего знахаря сграбастали будто какой куль и отволокли на самый край поляны. Прислонили к затесавшемуся меж густых кустов бересклета высокому пню, сунули под руку заветную сумку, а сами вернулись тарашиться на колдуна. Глазеть молодым ратникам было на что — тело поверженного врага съезжилось, усохло и покрылось тонкими складками сморщенной бледно-желтой кожи.

Вежин шмыгнул носом, сглотнул теплую соленую кровь и обтер руки сперва о зеленый пушистый мох, а затем о порты. Больше всего ему хотелось спать. Оно и понятно, сон восстанавливает силы, которых ушло немало: как ни крути, а засевший в чашобе злодей был много опытнее его, молодого знахаря из захолустного села. Никогда не искавший на свою голову приключений Вежин всё больше зубы заговаривал да заплутавших в лесах дурней искал, в бою раньше бывать не доводилось.

Не буди лих, как говорят... да у лиха сон чуток. В последние годы на Руси нечисть обнагледа, стала лютовать, по слухам, целые деревни изводила, а потому и нагрязнули в Совёлое витязи, прознав про злого чародея. По-умному, нужно было потаскать их по чашобе, наврать, что колдун морок навел и обычному знахарю его ну никак не сыскать. Посылайте, дескать, в Китеж-град за Охотниками, они тем и живут, что нечисть выискивают да истребляют... Только не умел Вежин ни врать, ни отказывать, вот и привел княжьих людей, куда те хотели, а потом еще и в драку ввязался. Хотя тут уж выбирать не приходилось: либо они врага кончают, либо он их.

Когда казавшийся чудовишно-огромным злонрав простер вперед руку, меж пальцами которой проскакивали синие искры, знахарь понял — это смерть. Сам толком не соображая, что творит, Вежин со всей силы шарaxнул по гаду «медвежьим страхом». Заклятие, которым покоен века отгоняют лезущих в овсы косолапых, навредить всерьез не могло, но громыхнуло неслабо, колдун отвлекся, а тут и Твердята с парнями подоспели... Теперь, задним числом, Вежин понимал, что, с перепугу не рассчитав сил, чудом не прикончил сам себя, но сделанного не воротишь, да и обер-

нулось всё в итоге неплохо. Колдун мертв, витязи живы, сам он отлежится, а к завтрашнему вечеру, глядишь, и волшебба вернется.

Знахарь повозился, устраиваясь поудобнее, и, уверившись, что «само не пройдет», принялся дрожащими руками копать в своей сумке. Собираясь утром в лес, Вежин вовремя вспомнил, что «береженого коня и зверь не берет», а потому чего только не набрал в дорогу! Запасливость его теперь и выручит: целебное зелье вернет опустошенному телу хотя бы часть потраченной силы. Отыскать бы только нужную скляницу среди всего этого лекарского добра! Запасливость, чтоб ее... И дрожь эта дурная... Может, на помощь кликнуть?

Вежин покосился на добрых молодцев, что со всем почтением внимали отдававшему очередные указания старшому. Кивнув, Малобуд шагнул было к так и недостроенной колдуном избе, но вдруг замер на месте, ткнув пальцем в сторону леса. Глянул туда и знахарь, да, видать, как-то неловко повернулся: виски славило, перед глазами замельтешили полупрозрачные черви, зато слух не подвел, и Вежин услышал, что с той стороны поляны доносится треск ломаемых сучьев и размеренный тяжкий топот.

Почти успокоившееся сердце бешено заколотилось, знахарь прижал руку к груди и, протерев горемычные глаза, вновь выглянул из-за кустов. С мечами на изготовку, перекинув вперед длинные щиты, ратники уже выстроились плечом к плечу; они явно чего-то ждали. Вежин мог видеть их спины, но не то, что надвигалось из леса — а оно надвигалось, причем быстро.

Кусты бруслины на дальнем конце поляны вздрогнули и раздвинулись, да только за ними никого не оказалось — упругие ветви разошлись сами собой, склонились в сторону избы, потрепетали, сбрасывая рыжие листочки, а потом резко выпрямились, будто кто-то невидимый сквозь них прошел. В пустоте раздался непонятный громкий храп — звук походил одновременно и на конское фырканье, и на рык большого хищного зверя.

Невидимками по своим владениям ходят лесовики<sup>1</sup>, а с ними,

---

<sup>1</sup> Для лучшего понимания текста рекомендуем ознакомиться с кратким словарем в конце книги.

умеючи, договориться всегда можно. Вежин точно бы сумел, только в Гребневой чаше лесные духи не водились, да и чутье знахаря подсказывало — здесь что-то другое, холодное, как могила. Злое. Опасное. Надо бежать, но вычерпанный до дна заклятием знахарь бежать не мог, а воины и не хотели.

Странный звук повторился, что-то глухо стукнуло, и пронизанное солнцем ничто подернулось темной дымкой, поползло пятнами... Мгновение-два — и вот уже на поляне высился громадный вороной конь, необычный и жуткий. Глаза болотными огнями светились в глубоких глазницах, длинная грива ровной волной бежала вниз по могучей шее. Ноги, массивные и крепкие, бугрились мышцами; широкая грудь и крутые бока лоснились, как жиром смазанные, а на них паутиной проступали вздутые вены, по которым пробегали видимые даже сквозь шкуру призрачные огоньки.

Верхом на чудо-коне восседал всадник в черных, под стать своему скакуну, одеждах. Плащ ниспадал с широких плеч, глубокий капюшон скрывал лицо, а руки в перчатках с раструбами почти по локоть держали поводья небрежно и расслабленно. Неужто Охотник?! Услыхали в Китеже про колдуна, вот и прислали... Охотники, они ведь темное носят, да и на дивоконях, случается, ездят... Но нет, не могло от китежанина везть таким злом!

Вороной топнул копытом и оскалился, издав жуткий, не конский да, пожалуй, и не живой, хриплый звук, будто по камню железом проскрежетало. Всадник же спокойно рассматривал открывшуюся ему картину, не шевелясь и даже не пытаясь заговорить.

— Кто таков будешь? — властно спросил Твердыта, перехватывая поудобнее щит. — Назовись!

Вместо ответа незнакомец неторопливо спешился, забросив поводья к короткому тупому рогу на передней луке седла, и небрежно хлопнул коня по шее. Столь же неспешно он направился к ратникам. Полы его просторного и длинного плаща, доходящие почти до щиколоток, мерно качались из стороны в сторону — кажется, они были подбиты красным.

Полумертвый Вежин, нащупав под рубахой Знак защиты души, как мог тихо, лег, почти упал наземь, подтянув к себе драгоцен-

ный мешок. Сидящих смиренно погибель порой милует, да как бы, отсидевшись, на поживу совести не достаться.

— Выходит, — внезапно донеслось из-под капюшона, — припозднился я.

— Это смотря к чему, — голос старшего не сулил гостю ничего хорошего. — Ты что у колдовского логова забыл, чуженин? Дело пытаешь аль от дела лытаешь?

— Дело пытаться собирался. Оно под ногами у вас валяется.

Воины недоуменно глянули вниз. О чем это он? О мертвечке, что ль?

— Кривославом его звали, — подтвердил невысказанную догадку чужак, задумчиво разглядывая убитого. — Что ж, осталось разве что должок забрать... При нем нету, значит, в избе искать придется. Дайте-ка пройти.

— Экий ты шустрый, — хмуро попенял Твердята. — Подождешь.

— Могу и подождать, — равнодушно согласился незнакомец, — мне торопиться некуда.

Он и впрямь все делал неспешно. Неторопливо и слова произнес, и капюшон за спину отбросил. Ратники невольно отшатнулись, и было с чего.

Хищное лицо незнакомца казалось восковым. Длинные черные волосы, зачесанные назад, не скрывали проступавших под кожей ребристых выростов на лбу и скулах. На впалых щеках и безволосом остром подбородке красовались алые наколки в виде злых рун, а в правой ноздре поблескивала небольшая, украшенная самоцветом серьга. Темно-красные глаза смотрели холодно и безучастно.

— Упырь, что ли? — словно не веря своим глазам, пробормотал старший. — Они ж Отца-Солнца боятся!

Упырь поправил перчатки и почти добродушно произнес:

— Вот что, русичи. Мне с вами делить нечего. Ступайте своей дорогой, а я своей поеду... только должок заберу.

— Обойдешься, нечисть, — резко бросил Твердята. — И сам с этой поляны не уйдешь!

Ратники сомкнули щиты, а красноглазый едва заметно усмехнулся и потащил из скрытых под плащом ножен длинный меч.

Крутанул им, разминая запястье, и спокойно пошел по кругу, обходя противников. Час от часу не легче!

Пугающие рассказы о еретниках, непревзойденных упырях-мечниках, передавались из уст в уста много веков; ими страшили не только детей, но и молодых дружинников. С таким противником никакому знахарю не совладать, а вот воинам порой удавалось. Тут, главное, хотя бы раз зацепить, ведь булат нечисть ох как не любит! А были у княжьих витязей еще и броня, и щиты, и стать — по сравнению с рослыми воинами красноглазый выглядел хлипким.

Стояли ратники плечом к плечу, поэтому, когда упырь начал движение, стали поворачиваться за ним ладно, как единое целое, не упуская врага из виду. Того, впрочем, это ничуть не смутило.

— Откуда вы, витязи? — продолжая движение, лениво спросил упырь.

Левой рукой он тронул застежку у шеи, и длинный плащ скользнул на землю. На еретнике не оказалось никакой брони. Только плотный и приталенный длинный черный кафтан, покроем напоминавший халаты южан — с короткими рукавами и длинными, складчатыми полами, что никак не стесняли движения и в ногах не путались. Спереди кафтан украшали кожаные накладки с тускло-золотой вязью, а на груди он был застегнут встык золотыми крючками и дополнительно стянут тремя рядами ремешков. Высокий кроваво-красного цвета воротник выглядывал из-под плотного тканевого оплечья и наполовину скрывал неестественно длинную шею упыря. На широком алом поясе помимо ножен висело странное оружие, которое красноглазый, сняв, взял в левую руку.

Оружие оказалось короткой дубинкой — железной, чуть длиннее локтя<sup>1</sup> и украшенной искусными узорчатыми рельефами. Небольшой, но явно очень тяжелый набалдашник изображал скалящийся клыкастый череп.

---

<sup>1</sup> Локоть — единица измерения длины, не имеющая определенного значения и примерно соответствующая расстоянию от локтевого сустава до конца вытянутого среднего пальца руки. Примерно 50 см.

— Небось с заставы какой? — продолжал допытываться еретник. — Или из города?

— Нам с нечистью разговоры вести не след, — задорно выкрикнул стоявший справа от старшего Малобуда. — Проваливай в Чернояр, к своему хозяину, погань!

— У меня два хозяина, — уточнил упырь, будто сообщая нечто очень важное. — И оба не любят, когда их волю не исполняют.

Обнажив в ухмылке клыки, красноглазый на краткий миг прервал свое движение и указал дубинкой на Малобуда.

— Ваше счастье, что я не голоден. Подарю вам смерть быстро... а вот тела, пожалуй, сохраню. Пусть вы и не богатыри, отваги вам не занимать. Глядишь, угодлаки из вас недурные выйдут. Обучим.

— Щиты выше! — Твердята, как и положено, стоявший посередине, и впрямь не собирався вести долгих разговоров с нечистью. Колдуна Кривослава первым достал именно он, может, и сейчас сдюжит?

Упырь, похоже, тоже решил, что сказал достаточно. Сделав резкое движение вправо-влево и заставив молодых ратников дернуться, он стремительно пошел вперед, держа темный меч перед собой. Пошел широко, будто перекатами, ловко расставляя ноги в высоких сапогах из мягкой кожи, качаясь из стороны в сторону, принуждая воинов гадать, куда же он шагнет в следующий миг.

Когда он приблизился достаточно, витязи разом двинулись навстречу, и Твердята сразу попробовал проткнуть нежить булатным мечом, ударив снизу вверх из-за щита. Старший из ратников понимал, что они наткнулись на страшного противника, но... не понимал, насколько страшного.

Вежину почудилось, будто время потекло густым медом — медленно, позволяя хорошо рассмотреть каждое движение сражающихся.

Вот, отражая удар, красноглазый машет дубинкой, отводя булатный клинок. Бил бы простой человек, рука витязя и не дрогнула бы, но... бил еретник — и сыпанувший искрами меч старшего уводит влево. Туда же, пусть и ненамного, тянет щит,

в правую грань которого уперлось предплечье Твердыты. В стене щитов возникает прорезь, и упырь даром времени не теряет. Его меч совершает змеинный бросок и тут же отлетает назад — острое сумело найти уязвимое место и, царапнув кольчужную бармицу, ударило Малобуда под скулу, пробив голову почти насквозь. Бездыханный ратник падает наземь.

Усмехаясь, упырь ловко отскакивает и, пританцовывая, смахивает с клинка капли горячей крови. Он играет с противниками, забавляется, как кот — с еще живой, но уже обреченной мышью.

— Ах ты тварюга! — рычит Ждан, кидаясь вперед, не слыша отчаянного крика старшего: «Стой!..»

Поздно. Еретник легко уворачивается от широкого молодецкого замаха, дожидается, пока клинок пройдет мимо, и бьет парня дубинкой по шлему. Оглушенный витязь кулем валится в траву, а красноглазый вступает в бой с Твердытой. Ну, Белобог, помоги!..

Чуда не происходит. Двумя ударами разделавшись со старшим, упырь склоняется над оглушенным Жданом. Резким движением перерезает последнему из троих витязей горло, не спеша вытирает лезвие меча о кафтан убитого и выпрямляется. В сторону знахаря он не смотрит, да и откуда ему знать про Вежина? Было трое ратников, теперь они мертвы, остается забрать этот самый должок и отправиться восвояси.

Несчастный знахарь вжался в палую листву. Ночь на поляне мертвецов будет страшной, но придет утро, вернутся хоть какие-то силы... к вечеру он будет на кумовой пасеке, передохнет и решит, как быть дальше.

Мысли путались и мешались с рвущимся из груди стоном, но Вежин лишь сильнее вжимался в лесную землю, не сводя взгляда с упыря. Спрятав в ножны меч и накинув плащ, тот деловито прошелся по поляне, быстро и ловко обыскал мертвецов, но ничего не взял, лишь покачал головой и исчез в избе. Что бы он ни искал, это была передышка, возможность отползти в лес, то есть в жизнь.

Больше Вежин ничего не мог... вернее мог, только это было безумием. Раз уж не стал рисковать, когда Твердыта и его парни были живы, сейчас и вовсе незачем. Деревенский знахарь упырю,